

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

№4 (93) 2020

ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 Мировая экономика; 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы; 22.00.05 Политическая социология; 22.00.08 Социология управления.

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2020 г. № 4 (93)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)

В. К. Заусаев, д.э.н., профессор (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)

Ан Е, д.э.н., профессор (Китай)

А. Кнорр, доктор, профессор (Германия)

З. Сугиура, профессор (Япония)

Ма Ю., доктор, главн. науч. сотр. (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Рензин О. М. Кучук В. В.	Трансформация институционального инструментария в странах Северо-Восточной Азии: Южная Корея	8
Линлин Сонг	Анализ комплексного развития цифровой экономики с помощью трансграничной электронной торговли провинции Хэйлунцзян с Россией	16

Дальний Восток: новые стратегии и модели развития

Найден С. Н.	Реализация государственной политики на Дальнем Востоке	24
Антонова Н. Е.	Эффекты реализации государственной политики в лесном комплексе Хабаровского края: современный этап	37
Грицко М. А. Поливаева О. Г.	Демографический потенциал Дальнего Востока: ожидания и реальность	48

Теория и практика экономики и управления

Веприкова Е. Б. Кисленок А. А.	Подходы к определению территориальной депрессивности в управлении региональным развитием	60
Коротина Н. Ю.	Взаимосвязь децентрализации и экономического роста в регионах России	74
Дарбасов В. Р. Соломонов М. П.	Оценка состояния теплового хозяйства Республики Саха (Якутия)	88
Хван И. С.	Реформа системы институтов развития Дальнего Востока: направления и задачи	101
Самандина Л. В. Халикова С. С.	Практика участия органов местного самоуправления Хабаровского края в реализации национальных проектов	109
Пынько Л. Е.	Направления развития страхования опасных производств	119

Хридина Н. А.	Институционализация саморегулирования предпринимательских отношений как фактор развития гражданского общества	127
Барбышева Т. М.	Развитие государственно-частного партнерства в региональном измерении	133

Социология

Васильева Е. А.	Мотивация женщин-государственных служащих в Республике Саха (Якутия)	146
Чесницкий И. И.	Соблюдение социально-экономических прав граждан как императив снижения бедности в Хабаровском крае	161
Кривоносова Л. А.	Политика формирования положительного имиджа Хабаровского края: социологический анализ	170
Гареева И. А. Конобейская А. В.	Здоровый образ жизни студенческой молодежи как социальная ценность и реальная практика (по материалам социологического исследования)	178
Черевко М. А.	Профессиональные планы выпускников вузов (на примере социологических профессий)	191

Обсуждаем проблему: этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности

Смирнова Т. Б.	Современные этнодемографические процессы в регионах Сибири и Дальнего Востока	198
Коломиец О. П.	Особенности современных миграционных процессов на Крайнем Северо-Востоке России (Чукотский вариант)	207
Зубков В. В. Сидоров П. Г.	Миграционные представления жителей Хабаровского края: опыт пилотного социологического исследования	215
Задорин А. В.	Структура занятости и уровень образования киргизов-мигрантов в Красноярском крае	227

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

Renzin O. M. Kuchuk V. V.	Transformation of institutional instruments in the NEA Countries: South Korea	8
Linlin Song	Analysis of integrated development of digital economy with the Heilongjiang Province's cross-border E-commerce with Russia	16

The Far East: new strategies and development models

Naiden S. N.	Implementation of the state policy in the Far East	24
Antonova N. E.	Implementation of the state policy in the forest complex of the Khabarovsk territory: the current stage	37
Gritsko M. A. Polivaeva O. G.	Demographic potential of the Russian Far East: expectations and reality	48

Theory and practice of economics and management

Veprikova E. B. Kislenok A. A.	Approaches to the definition of territorial backwardness in the regional development management	60
Korotina N. Yu.	Correlation of decentralization and economic growth in the regions of Russia	74
Darbasov V. R. Solomonov M. P.	Solomonov M. P. Assessment of the state of the heat economy of the Republic of Sakha (Yakutia)	88
Khvan I. S.	Tipologization of regions of the Far East on the level of development of social infrastructure	101
Samandina L. V. Khalikova S. S.	Practice of participation of the local authorities of the Khabarovsk territory in the implementation of national projects	109
Pynko L. E.	Directions of development of insurance of the hazardous industries	119
Khridina N. A.	Institutionalization of self-regulation of business relations as a factor in development of the civil society	127

- Barbysheva T. M. Development of public-private partnerships in the regional dimension 133

Sociology

- Vasilyeva E. A. Motivation of women-officials in the Republic of Sakha (Yakutia) 146
- Chesnitskiy I. I. Respect for the social and economic rights of citizens as an imperative to reduce poverty in the Khabarovsk territory 161
- Krivososova L. A. The policy of forming positive image of the Khabarovsk territory: sociological analysis 170
- Gareeva I. A.
Konobeyskaya A. V. Healthy lifestyle of students as a social value and real practice (based on the materials of a sociological study) 178
- Cherevko M. A. Professional plans of the university graduates (on the example of socioeconomic professions) 191

We discuss a problem: ethnocultural diversity of the Russian society and strengthening of the all-Russian identity

- Smirnova T. B. Contemporary ethno-demographical processes in the regions of Siberia and the Russia's Far East 198
- Kolomiets O. P. Features of modern migration processes in the Northern Far-East of Russia (Chukchi version) 207
- Zubkov V. V.
Sidorov P. G. Migration imaginations of residents of the Khabarovsk territory: experience of the pilot sociological research 215
- Zadorin A.V. Employment structure and the level of education of Kyrgyz in the Krasnoyarsk territory 227

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-8-15
УДК 338.1(51)

О. М. Рензин
В. В. Кучук

Трансформация институционального инструментария в странах Северо-Восточной Азии: Южная Корея

Современная социально-экономическая ситуация в Северо-Восточной Азии тесно связана с преодолением в странах региона последствий беспрецедентных шоков, вызванных пандемией COVID-19. С одной стороны, это определило повсеместную практику формирования и реализации оперативных антикризисных программ, направленных на минимизацию рисков общественного развития. Одновременно существенное изменение условий деятельности, происходящее как в национальном, так и глобальном масштабах, вызвало необходимость корректировки стратегических проектов развития, адаптацию и трансформацию используемых социально-экономических моделей к «новой реальности». В особой мере этот процесс приобрел важность для системообразующих экономик региона (китайской, японской, южнокорейской), в которых происходят активные институциональные преобразования, направленные на повышение эффективности экономического развития, усиление конкурентных позиций стран на региональных и мировых рынках в новых условиях. В статье рассматривается содержание правительственной стратегической программы 2020 года «Корейский Новый курс», осуществляется ее сравнительный анализ с основными социально-экономическими программами, разработанными и реализуемыми в Республике Корея в последнее десятилетие.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Республика Корея, стратегические институциональные проекты, креативная экономика, «Корейский Новый курс».

Введение. Непрогнозируемые пандемические шоки 2020 г. кардинально повлияли на развитие всей мировой общественной системы. Остановки производства, закрытие границ, ограничения на поездки, другие форс-мажорные коллизии в значительной мере изменили как национальные, так и глобальные экономические и социальные процессы. Мировая хозяйственная система попала в порочные круги отрицательного трен-

да развития: принудительная остановка производства (получившая название «локдаун») – снижение доходов населения – падение потребления – уменьшение инвестиций – сокращение производства и т. д. Именно глобальный характер социального бедствия определил ожидаемые масштабы экономических потерь, которые получили оценки международных организаций, сравнимые с самыми тяжелыми в предшествующей истории

Олег Маркович Рензин – канд. экон. наук, советник научного руководителя, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail:* renzin@ecrin.ru

Владимир Валерьевич Кучук – канд. экон. наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail:* renzin@ecrin.ru

кризисами¹.

Задачи по преодолению последствий пандемии в большей или меньшей степени решаются всеми национальными экономиками. Но наиболее активный процесс их рассмотрения происходит в узловых точках мирового экономического развития, одной из которых, бесспорно, является Северо-Восточная Азия (далее – СВА), аккумулирующая колоссальный ресурсный потенциал и имеющая на этой основе высоко оцениваемые перспективы для принятия на себя функций «локомотива» глобального роста.

Пандемические процессы оказали сильное влияние на экономики стран СВА. Именно в этом регионе возникли первые очаги заболеваний, повлекшие негативные экономические процессы. Именно этот регион стал первым испытательным полигоном в организации системных мероприятий по преодолению сначала медицинских, а затем экономических и социальных проблем. Возникшая ситуация потребовала от правительств всех стран региона сложного комплекса регуляторных решений. Они были связаны, прежде всего, с формированием эффективных институциональных антикризисных программ, поиском оперативных противоэпидемических мероприятий, обеспечивающих снижение системных рисков в социуме. По мнению специалистов, для этих нетрадиционных задач в большинстве стран СВА были найдены более эффективные решения, чем в других регионах мира. Именно здесь были разработаны и реализованы первые успешные программы по преодолению отрицательных трендов развития и компенсации понесенных национальными экономиками потерь².

Одновременно с принятием оперативных решений ожидаемая продолжительность и агрессивность шокового воздействия выявили необходимость кор-

ректировки генерализованных национальных моделей социально-экономического функционирования, адаптации долгосрочных стратегий хозяйственного развития стран региона к «новой реальности», к трансформации механизмов международных взаимодействий. Заложенные в основу национальной экономической политики долгосрочные программные документы под влиянием кризисных воздействий потребовали от руководства стран СВА институциональных изменений. В особой мере такие корректировки приобрели важность для системообразующих экономик региона (китайской, японской, южно-корейской), которые еще до начала ковидного кризиса начали процессы активных структурных преобразований, направленных на повышение эффективности экономического развития, усиление конкурентных позиций на региональных и мировых рынках, решение задач совершенствования национальных социально-экономических систем.

«Корейский новый курс» и трансформация институциональной организации экономики Южной Кореи. Одним из наиболее заметных событий в этой сфере стала презентация нового стратегического проекта страной, относящейся к «большой северо-азиатской тройке» – Южной Кореей. Ее президент Мун Чже Ин в июле 2020 г., т. е. в самый разгар борьбы мирового сообщества с ковидными потерями и поисками возможностей для их минимизации, представил новую долгосрочную программу национального экономического развития, получившую название «The Korean New Deal» («Корейский Новый курс»).

Само название проекта демонстрирует его высокую амбициозность. Используя формулу «Новый курс», авторы проекта отчетливо обозначают параллели с одноименной великой программой 30-х гг., реализованной в США администрацией пре-

¹ См., например, *Global Economic Prospects. June 2020. World Bank Group. 2020. 238 p.*; *A UN Framework for the immediate socio-economic response to COVID-19. United Nations 2020 51 c.*; *ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fifth edition. International Labor Organization. June 2020 22 p.*

² *Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Корее, Японии М.: ВШЭ 2020. С.50-58; Асмолов К. В. Политика государств Корейского полуострова в области борьбы с коронавирусом // Проблемы ДВ. 2020. № 3. С. 40–52.*

зидента Ф. Д. Рувельта. Аллюзии здесь очевидны. Если американский институциональный проект обеспечил успешное преодоление в национальной экономике последствий Великой депрессии и проведение эффективных структурных реформ, то и его корейский тезка ориентирован на получение не меньшего по значимости позитивного результата. При этом в оценке исторической масштабности проекта корейские политики демонстрируют самые большие ожидания. Так, на официальном представлении этой программы президент страны Мун Чже Ин объявил, что она «заложит основу для развития Кореи на следующие 100 лет»³. Отмечая, что высокопарность вообще характерна для южно-корейской политической традиции, следует признать, что для пафоса, сопровождавшего представление новой программы, имеются достаточно серьезные основания.

Выделим несколько позиций, которые позволяют рассматривать анализируемый документ как важную стратегическую веху в развитии корейской экономической политики. По содержанию «Корейский Новый курс» – это многоцелевая национальная стратегия развития, призванная не только обеспечить выход страны из пандемического кризиса, но и генерировать в ее экономической системе прогрессивные структурные изменения.

Решение этих задач тесно связано с трансформацией ценностных ориентиров как ядра новой институциональной системы, формируемой на перспективный период.

Прежде всего обращает на себя внимание принципиально новое представление о целях экономического развития страны и соответствующей им институциональной организации. Признавая значительные успехи в обеспечении положительной динамики роста производственных структур, в тексте документа указывается на существующую «недостаточность

системы социального обеспечения», «усиление поляризации в обществе». Это рассматривается как серьезные вызовы для организации национального хозяйства. Ответ на них сформулирован в жестком императиве, заданном для реализации «нового курса»: «Корея меняет свою парадигму в сторону построения экономики, ориентированной на людей» («Korea has been shifting its paradigm towards a people-centered economy»)⁴. Такая позиция может обозначать не только смену текущих традиционных приоритетов развития, ориентированных на величину ВВП, темпы роста, объемы экспорта и т. д., но и претензии на формирование новой общественно-экономической модели.

Другая важная программная позиция также связана с фиксацией корректировок в экономической идеологии: в проекте заявлен переход от использования исторически сложившейся на предыдущих этапах развития «догоняющей модели» на лидерские («опережающие») технологии при реализации национальных программ. В тексте проекта зафиксировано, что «Корейский Новый курс» направлен на то, чтобы превратить страну «из быстрого последователя в первопроходца» («The Korean New Deal seeks to transform the country from a fast follower into a first mover»)⁵. В какой-то мере это можно рассматривать как заявку на преодоление сложившейся у значительной части профессионального сообщества (да и в общественном мнении тоже) позиции по интерпретации успехов Южной Кореи в экономике как достижений прилежного ученика, успешно копирующего японскую модель развития⁶. Представляется, что таким образом современное руководство Южной Кореи считает необходимым подчеркнуть стратегический поворот не только к самостоятельному пути развития, но и, возможно, к глобальному лидерству в разработке и реализации новой эффективной социально-экономической

³ *The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea July 2020 p. V.*

⁴ *The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea, July 2020, p. 3.*

⁵ *The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea, July 2020, p. 10..*

⁶ См., например, Kang T.W. *Is Korea the Next Japan* N.Y. The Free Press. 1989. 196 p.

модели. Ее общие черты и структурные элементы достаточно строго описаны в тексте программы.

В основу институциональной организации экономики страны положено формирование трёх стратегических платформ, которые описываются под названиями «Цифровой новый курс» (Digital New Deal), «Зеленый новый курс» (Green New Deal) и всеобъемлющая сетевая система укрепления занятости и социальной защиты (Stronger Safety Net). Каждая из этих платформ имеет определенную целевую функцию в создаваемой институциональной системе, сформированную по этапам программу развития, включая финансовую составляющую.

С помощью «Цифрового Нового курса» Южная Корея стремится к дальнейшему укреплению своего экономического потенциала за счет расширения имеющихся конкурентных преимуществ в области информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Эти процессы уже имеют весомое значение в современной экономике страны. К примеру, в проекте обращается внимание на высокую скорость проникновения в нее интернет-потребления: уже в начале 2020 г. оно достигало значительной по мировым меркам величины – 22,9% от общего объема потребления⁷. При этом авторы проекта считают, что в этом сегменте экономики есть значительные резервы развития.

Для реализации этой части национального проекта правительство планирует построить крупномасштабную и разветвленную национальную инфраструктуру ИКТ, обеспечивающую сбор, стандартизацию, обработку и объединение данных. Необходимость усиления инвестирования в цифровую инфраструктуру обосновывается значительным влиянием перехода к цифровой экономике на быстрое и эффективное внедрение инноваций, повышение конкурентоспособности отраслей и предприятий страны. На эти цели на период до 2025 г. предусмотрено финансирование в размере 58,2 трлн вон, из которых 44,8 трлн – бюджетные инвестиции⁸. При этом основная часть инвести-

ций будет сосредоточена на проектах по интеграции данных и по искусственному интеллекту. В результате реализации программы на этой платформе предполагается создание 903 тысяч рабочих мест. Созданная инфраструктурная система послужит базой для максимального использования возможностей цифровой экономики, ускорения цифрового перехода ключевых отраслей, создания новых цифровых производственных систем, обеспечение высоких динамических показателей развития экономики.

Вторая стратегическая платформа разработанного для Южной Кореи плана – «Зеленый Новый курс». Программа направлена на осуществление ускоренного перехода к низкоуглеродной экономике, а в перспективе – к достижению в производственной системе страны нулевых выбросов. С этой целью правительство планирует построить экологически чистую энергетическую инфраструктуру, которая будет способствовать энергосбережению и более широкому использованию возобновляемых источников энергии. Для финансирования этого плана в программе предусмотрено вложение за период до 2025 года 73,4 трлн вон, из которых 42,7 трлн – бюджетные инвестиции. С целью усиления мер по борьбе с изменением климата государственные инвестиции будут сосредоточены на возобновляемых источниках энергии (24,3 трлн вон), создании «зеленой» инфраструктуры (12,1 трлн вон) и развитии «зеленой» промышленности (6,3 трлн вон). При этом подчеркивается, что переход к «зеленой» экономике не просто улучшает качество жизни людей и улучшает окружающую среду, но также предполагает возможности для создания новых высокотехнологичных отраслей и рабочих мест. В результате реализации программы будет создано 659 тысяч рабочих мест.

Третья институциональная платформа для целенаправленных изменений экономических и социальных структур в корейской экономике формируется в системе занятости и социального обеспечения. В этот проект, который организован по се-

⁷ *Online Shopping Trend of May 2020 // Statistics Korea, 2020, Press Release July 3.*

⁸ *Справочно, в декабре 2020 г. по официальному курсу 1000 корейских вон конвертировались в 0,9 доллара США (см. сайт Центрального банка Южной Кореи <http://www.bok.or.kr>).*

тевому принципу, предполагается инвестировать 28,4 трлн вон (в т. ч. 26,6 трлн вон из казны). Высокая доля бюджетной составляющей в финансировании отражает социальную ориентированность этой платформы, которая обеспечит создание в экономике дополнительно 339 тысяч рабочих мест. За счет инвестиций в человеческие ресурсы в стране будет осуществляться подготовка квалифицированных кадров для разработки и внедрения инноваций, для намеченного перехода к цифровой и «зеленой» экономике. Этим, с одной стороны, разрешаются накопленные проблемы сбалансированности рынка труда и формирования внутреннего спроса, и, с другой стороны, создаются дополнительные возможности для становления новой экономики в Южной Корее.

В результате согласованной реализации инвестиционных планов по формированию всех институциональных платформ «Корейского Нового курса» намечено последовательное и взаимосвязанное достижение трех важных национальных целей.

Первой, наиболее краткосрочной из них, является минимизация последствий посткоронавирусного экономического шока в хозяйственной системе страны. Для этих целей в начальном периоде реализации программы инвестиции будут вкладываться, прежде всего, в проекты, которые помогут преодолеть кризис или которые можно реализовать немедленно.

Вторым целевым ориентиром названо возвращение корейской экономики к режиму высоких темпов экономического роста, восстановление динамики инвестиций, создание необходимой инфраструктуры для цифровой и «зеленой» экономики, создание новых рабочих мест в инновационных отраслях.

Третьей (стратегической) целью «Корейского Нового курса» определено формирование в экономике страны такой институциональной системы, которая

обеспечивает не только адаптацию к структурным изменениям, но и создает возможности для того, чтобы Южная Корея в постковидную эру могла стать «лидером мирового сообщества» («also to lead the global community in the post COVID-19 era»)⁹.

Важное место в системном подходе по достижению целей, выдвинутых в макроэкономических программах, разработанных в Южной Корее, занимает определение ключевых структур (отраслей, сегментов рынка, перспективных технологий), за счет развития которых эти цели будут достигнуты. Этот элемент стратегического планирования был позитивен в институциональных технологиях развития послевоенной Японии. Впоследствии инструментарий выделения и поддержки приоритетных отраслей был, по мнению специалистов, значительно усовершенствован и активно использован в корейской управленческой практике на всех этапах развития экономики¹⁰.

Особенно важным он стал в период выведения страны на высокие темпы роста и повышения статусности в мировой экономике. Так было, например, в 2010 г., когда президентом Ли Мен Баком была объявлена стратегическая программа под названием «7-4-7». Она была предложена властями страны после нескольких лет вялого роста. Необходимы были решительные меры для создания более динамичной и инновационной экономики за счет структурных реформ. Руководствуясь разработанным подходом к реализации структурной политики, были определены, во-первых, три целевых показателя, достижение которых было намечено в период до 2020 года: поддерживать темпы экономического роста на 7-процентном уровне; достичь объема ВВП страны в расчете 40 тысяч долларов США на душу населения; войти в семерку крупнейших экономик мира. И, во-вторых, предложены ключе-

⁹ *The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea, July 2020, p. 4.*

¹⁰ «Далеко не все удалось здесь (в промышленной политике – О.Р.) первопроходцу – Японии. Южная Корея, естественно, могла вовремя извлекать уроки из неудач японцев, в целом одобрив японский путь структурной перестройки промышленности» Канг Т. В. Станет ли Южная Корея еще одной Японией // США-ЭПИ. 1990. № 9. С. 92–101. С. 97.

вые структуры, выполняющие функции локомотивных отраслей: нанотехнологии, атомная промышленность, военно-промышленный комплекс, авиастроение [Зотин, 2014. С. 47].

Эта программная технология получила развитие в 2015 г., когда Президент Республики Корея Пак Кын Хе выдвинула «Трехлетний план инновационного развития», ориентированный на формирование и развитие в стране «креативной экономики». Главная идея этой стратегической модели была связана с созданием в стране не только новых продуктов, но и новых отраслей. Именно такие новации могут обеспечить как эффективное развитие и рост конкурентных позиций страны на внешних рынках, так и сформировать высокотехнологичную производственную систему, ориентированную на информационные технологии, опережающее развитие стартапов и т. д. [Кулла, 2016. С. 27–32].

В каждом случае при отборе ключевых проектов были активно использованы не только критерии, связанные с экономическими и коммерческими результатами развития производств, включая внешне-торговые, но и дополнительные критерии, которые определяли влияние данной приоритетной группы производств на формирование интеллектуального и социального потенциала страны¹¹.

Такой подход сохранился и при разработке «Нового курса». Определяя состав включенных в программу 10 ключевых проектов, учитывалось не только их значительность с точки зрения создания рабочих мест и новых отраслей, т. е. экономическая эффективность. Необходимым условием для включения стало их соответствие согласованным между правительством, законодательной властью, бизнесом и обществом дополнительным критериям. В их числе рассматривались уровень социальной эффективности, возможности мобилизации частных инвестиций, стимулирование регионального развития и др.

Исходя из этого, среди ключевых проектов наряду с производственно-отраслевыми, таким как проект «Умные» и «зеленые» промышленные комплексы, имеются социально-ориентированные и институциональные. Так, в «десятку» вошли проекты «Умное здравоохранение» и «Зеленые» и «Умные» школы», ориентированные на структурное совершенствование социальной инфраструктуры, а также проект «Умное правительство», модернизирующий систему государственного управления.

При всем многообразии и детализации перспективных ориентиров, обозначенных в «Корейском Новом курсе», за его пределами осталась группа вопросов, которые являются принципиально важными для дальнейшего развития страны. Одним из не вошедших в рассматриваемую программу развития остался ее внешнеэкономический аспект, чрезвычайно важный для экспортно-ориентированной системы народного хозяйства Кореи. Эта проблема, безусловно, находится в процессе рассмотрения властными структурами, но, возможно, в силу высокой неопределенности текущих экономических международных взаимодействий, а также ожидания в перспективе изменений, обсуждение этих проблем происходит в рамках экспертного сообщества¹².

Заключение. Учитывая высокую зависимость будущего развития Южной Кореи от трех гигантских рынков – китайского, европейского и американского, учеными и специалистами рассматриваются различные сценарии встраивания экономики страны в международные технологические цепочки и определяются институциональные механизмы поддержки внешнеэкономических механизмов.

При этом рассматриваемый набор сценариев имеет значительные модификации, которые зависят как от национальных трансформаций экономических систем, так и возникновения различных институциональных конфигураций. В частности, большие возможности и огра-

¹¹ Подробное рассмотрение периодической смены отраслевых приоритетов в развитии корейской экономики содержится в статье Агабекова С. И., Левиной Е. А. *Корпорации и экономический рост. Опыт Южной Кореи* // ЭКО. 2017. № 3. С. 134–146.

¹² См. напр. Byung-il Choi. *Global Value Chain in East Asia Under «New Normal»: Ideology-Technology-Institution Nexus* // *East Asian Economic Review* Vol. 24, no. 1, 2020, pp. 3–30.

ничения могут возникать в связи с принятием ведущими странами СВА тех или иных стратегических установок на перспективу. Будет ли активизирована реализация планов по модификации модели развития Китая, которые предусматривают усиление процессов импортозамещения и стимулирование развития внутреннего рынка? Продолжит ли Япония реализацию экономической политики в рамках «абэномики», или ей на смену придет новая стратегия? Будет ли поддерживать ограничительные меры для интеграционных взаимодействий в СВА новая администрация США? При этом на пересечении национальных макроэкономических конструкций могут возникать различные синтетические образования, характеристики которых дают много поводов для построения сценариев их дальнейшего генезиса и оценки возможного влияния на мировое развитие.

Ответы на эти и другие вопросы перспективного развития Республики Корея, очевидно, должны быть сформулированы администрацией президента Мун Чже Ина в качестве программного документа, замещающего «Евразийскую инициативу» предыдущего президента страны. Именно при появлении такой внешнеэкономической стратегии можно будет более полно оценить значение «Корейского Нового курса» как широкой программы национального развития, определяющей развитие страны «на следующие сто лет».

Список литературы:

1. Агабеков С. И., Левина Е. А. Корпорации и экономический рост. Опыт Южной

Кореи // ЭКО. 2017. № 3. С. 134–146.

2. Асмолов К. В. Политика государств Корейского полуострова в области борьбы с коронавирусом // Проблемы ДВ. 2020. № 3. С. 40–52.

3. Зотин А. Рецепт сноровки по-корейски // Коммерсантъ-Деньги. 2014. № 19. С. 47.

4. Канг Т. В. Станет ли Южная Корея еще одной Японией // США-ЭПИ. 1990. № 9. С. 92–101. С. 97.

5. Кукла М. П. Республика Корея: на пути к креативной экономике // Азия и Африка сегодня. 2016. № 9. С. 27–32.

6. Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии. М.: ВШЭ. 2020. 72 с.

7. A UN Framework for the immediate socio-economic response to COVID-19. United Nations. 2020. 51 с.

8. Byung-il Choi. Global Value Chain in East Asia Under «New Normal»: Ideology-Technology-Institution Nexus // East Asian Economic Review. Vol. 24. No. 1. 2020. Pp. 3–30.

9. Global Economic Prospects. June 2020. World Bank Group. 2020. 238 p.

10. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fifth edition. International Labor Organization. June 2020. 22 p.

11. Kang T. W. Is Korea the Next Japan N.Y. The Free Press. 1989. 196 p.

12. The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea. July 2020. 71 p.

Библиографическое описание статьи

Рензин О. М., Кучук В. В. Трансформация институционального инструментария в странах Северо-Восточной Азии: Южная Корея // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 8–15. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-8-15

Oleg M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, the economic research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, Russia). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

Vladimir V. Kuchuk – Candidate of Economics, senior researcher, the Institute of economic researches of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, 680042, Russia). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

Transformation of institutional instruments in the NEA Countries: South Korea

The current socio-economic situation in the North-Eastern Asia is closely related to overcoming the consequences of unprecedented shocks caused by the COVID-19 pandemic in the countries of the region. First of all, it determined the widespread practice of forming and implementing operational anti-crisis programs aimed at minimizing the risks of social development. At the same time taking place both on the nationally and globally level a significant change in the conditions of activity has caused the need to adjust strategic development projects, adapt and transform the used socio-economic models to the “new reality”. This process is especially important for the systemic economies of the region (Chinese, Japanese, South Korean), in which active institutional transformations are taking place, aimed at increasing the efficiency of economic development in the new conditions, strengthening the competitive positions of countries in the regional and world markets. The content the strategic institutional project «The Korean New Deal», developed in July 2020, and a comparative analysis of its main provisions with the social and economic government programs implemented in the Republic of Korea in the last decade are examined in the presented article.

Keywords: the North-Eastern Asia; Republic of Korea; strategic institutional projects; creative economy; «The Korean New Deal».

References:

1. Agabekov S. I., Levina E. A. Corporations and economic growth. Experience of South Korea *EKO [ECO]*, 2017, no. 3, pp. 134–146. (In Russian).

2. Asmolov K. V. Policy of the states of the Korean Peninsula in the fight against coronavirus *Problemy DV [Problems of the Far East]*, 2020, no. 3, pp.40–52. (In Russian).

3. Zotin A. The recipe for dexterity in Korean *Kommersant’-Den’gi [Kommersant-Money]*, 2014, no. 19, pp. 47. (In Russian).

4. Kang T. V. Will South Korea become another Japan *SSHA-EPI [USA-EPI]*, 1990, no. 9, pp. 92–101, p. 97. (In Russian).

5. Doll M. P. Republic of Korea: Towards a Creative Economy *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]*, 2016, no. 9, pp. 27–32. (In Russian).

6. Review of the international practice of supporting the economy and the population in the fight against the coronavirus

pandemic in Armenia, Great Britain, Germany, Denmark, Spain, Italy, Kazakhstan, China, the Netherlands, USA, Finland, France, Sweden, South Korea, Japan. M.: Higher School of Economics. 2020. 72 p. (In Russian).

7. A UN Framework for the immediate socio-economic response to COVID-19. United Nations. 2020. 51 c.

8. Byung-il Choi. Global Value Chain in East Asia Under «New Normal»: Ideology-Technology-Institution Nexus *Vostochnoaziatskiy ekonomicheskiy obzor [East Asian Economic Review]*, vol. 24, no. 1, 2020, pp. 3–30.

9. Global Economic Prospects. June 2020. World Bank Group. 2020. 238 p.

10. ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Fifth edition. International Labor Organization. June 2020. 22 p.

11. Kang T. W. Is Korea the Next Japan N.Y. The Free Press. 1989. 196 p.

12. The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea. July 2020. 71 p.

Reference to the article

Renzin O. M., Kuchuk V. V. Transformation of institutional instruments in the NEA Countries: South Korea // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 4 (93). Pp. 8–15. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-8-15

DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-16-23
УДК 338.242(510)

Линлин Сонг

Анализ комплексного развития цифровой экономики с помощью трансграничной электронной торговли провинции Хэйлуцзян с Россией

С момента создания экспериментальной зоны свободной торговли Китая (Хэйлуцзян) в провинции наблюдается ускоренное развитие трансграничной электронной торговли с Россией. Обладая сравнительными преимуществами в области информационных технологий, провинция Хэйлуцзян способствовала более быстрому становлению интернет-экономики в России, включая Дальний Восток, развитию новых форматов цифровой торговли, в т. ч. трансграничной, совместному продвижению онлайн-таможенных, логистических и финансовых услуг.

В статье, которая состоит из четырех частей, рассматривается состояние трансграничной электронной торговли провинции Хэйлуцзян, анализируется развитие её российского направления, выделяются проблемы, а также оцениваются перспективы дальнейшего сотрудничества.

В первой части рассматривается состояние торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлуцзян с Россией. Этот регион Китая имеет самую протяженную границу с Россией, и сотрудничество с Россией всегда было одним из главных приоритетов его развития.

Вторая часть посвящена основам развития трансграничной электронной коммерции в провинции Хэйлуцзян. В эпоху науки и технологий популярность Интернета значительно возросла, особенно в части роста осведомленности людей о возможности покупок, используя инструментарий Интернета. Учитывая это, провинция Хэйлуцзян также использовала свою промышленную трансформацию для создания новой эры цифровой торговли и улучшения своей экономики.

В третьей части анализируются вызовы и проблемы комплексного развития цифровой экономики с трансграничной электронной торговлей провинции Хэйлуцзян с Россией. Автор рассматривает необходимость усилить строительство трансграничной инфраструктуры и сократить время и стоимость трансграничных перевозок, улучшить возможности трансграничных логистических услуг и продвинуть систему гарантий логистики для России. Особо выделена проблема повышения надежности системы онлайн-платежей.

В заключении представлены рекомендации по развитию межгосударственного сотрудничества Китая и России, оценены среднесрочные перспективы экономического взаимодействия.

Ключевые слова: провинция Хэйлуцзян, Россия, трансграничная электронная коммерция, цифровая экономика.

Линлин Сонг – Институт исследований Северо-Восточной Азии Академии общественных наук провинции Хэйлуцзян (Харбин, Китай). E-mail: songlinlin713@163.com

Linlin Song – the Institute of the North-Eastern Asian Studies, the Heilongjiang Provincial Academy of social sciences (Harbin, China). E-mail: songlinlin713@163.com

Linlin Song

Analysis of integrated development of digital economy with the Heilongjiang Province's cross-border E-commerce with Russia

Since the establishment of the China (Heilongjiang) pilot free trade zone, the development of cross-border e-commerce with Russia has continued to increase speed and quality. With its geographical advantages and its comparative advantages in the Internet field, Heilongjiang Province promoted the rapid development of the Internet economy in Russia, fostered a new digital trade format represented by cross-border e-commerce, and promoted online and offline collaborative promotion of customs clearance logistics and financial services. The paper expounds foundation and development status of Heilongjiang Province's cross-border e-commerce, analyzes in integrated development of digital economy with the Heilongjiang Province's cross-border e-commerce with Russia, and further puts forward prospects and recommendations.

Keywords: Heilongjiang Province, Russia, cross-border e-commerce, digital economy.

1. INTRODUCTION

Since the establishment of the China (Heilongjiang) pilot free trade zone, the development of cross-border e-commerce with Russia has continued to increase speed and quality. According to data from the Heilongjiang Provincial Department of Commerce, in the first three quarters of this year in 2020, the province's cross-border e-commerce trade volume reached 560 million yuan, a year-on-year increase of 2,6 times¹. Recently, Heilongjiang Province has constantly been improving and upgrading the e-commerce development model and successfully opened up cross-border e-commerce development, which is a multi-domain and multi-level information economy belt based on the "Internet Plus" formed by China and the countries along the Belt and Road to strengthen network interconnection and information exchange. With the cooperation in the field of the Internet, we will promote the construction of a new pattern of all-round cooperation with Russia [Cai Chen, Yuxiong Zhang, 2016].

The conceptual framework of the paper is composed of four main parts. The first part combs the development status of Heilongjiang's economic and trade cooperation with Russia. Heilongjiang Province located in the center of Northeast Asia, is the China's longest province bordering Russia. Economic and trade

cooperation with Russia has always been the top priority of Heilongjiang Province's opening up [Linlin Song, 2019, pp. 51–61]. The second part focuses on foundation of the Heilongjiang Province's cross-border e-commerce development construction. Especially in the era of science and technology, the popularity of the Internet has greatly increased, and the awareness of people's online shopping has become stronger. On this basis, Heilongjiang Province has also used its industrial transformation to build a new era of digital trade and help its economy improve. The third part analyses challenges and problems in in integrated development of digital economy with Heilongjiang Province's cross-border e-commerce with Russia. Finally, the paper puts forward prospects and recommendations. Russia, especially the Far East, is an important strategic partner of Heilongjiang Province. With the effective cooperation in the Internet field, Heilongjiang Province and Russia can continue to extend cooperation in various fields.

2. DEVELOPMENT STATUS OF HEILONGJIANG'S ECONOMIC AND TRADE COOPERATION WITH RUSSIA

In 2019, the import and export of goods in the Heilongjiang Province developed steadily, and both imports and exports achieved double growth. According to statistics from the Harbin Customs, the

¹ Cross-border e-commerce helps China-Russia trade enter the "fast lane", 2020-11-19. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1683768502518393922&wfr=spider&for=pc>

total value of import and export of goods in the Heilongjiang Province in 2019 was 186,59 billion yuan, an increase of 6,7% over 2018, which was 3,3 percentage points higher than the national import and export growth rate during the same period. Among them, exports were 34,94 billion yuan, an increase of 18,8%, 13,8 percentage points higher than the national export growth rate over the same period; imports were 151,65 billion yuan, an increase of 4,2%, which was 2,6 percentage points higher than the national import growth rate over the same period².

In 2019, the total import and export value of Heilongjiang Province to Russia was 127,07 billion yuan, a year-on-year increase of 4%, accounting for 85,5% of the total import and export value of the countries along the "Belt and Road" in Heilongjiang Province during the same period. Among them, exports to Russia were 10 billion yuan, a year-on-year increase of 34,1%; imports from Russia were 117,07 billion yuan, a year-on-year increase of 2,1%³.

3. FOUNDATION OF THE HEILONGJIANG PROVINCE'S CROSS-BORDER E-COMMERCE COOPERATION WITH RUSSIA

3.1. The number of internet users in the Heilongjiang Province and Russia

Development of the cross-border e-commerce between China and Russia has unique advantages in terms of the online consumer groups. In 2019, the total number of Internet users over the age of 16 in Russia has increased from 91 million in the past to 94.4 million, accounting for 79,8% of Russian adults. In 2019, the elderly are the main source of growth in the number of Internet users in Russia. Compared with 2018, the number of Internet users over 65 has increased from 26% to 36%, and the number of Internet users between the ages of 50 and 64 has increased from 63% to 66%⁴. As of the end of 2019, the number of Internet users in Heilongjiang Province

was approximately 28,163 million, and the Internet penetration rate was 75,1%. By 2020, the access rate of 1G fiber optic access at important ports will reach 100%. It can be seen that the continued growth of Internet users in China and Russia has laid a good foundation for the development of cross-border e-commerce between China and Russia and Heilongjiang Province's cross-border e-commerce development construction. It is specifically proposed to actively build an information and communication hub for Russia, and the capacity of cross-border communication networks has been greatly enhanced.

3.2. Frequent promulgation of effective documents and the logistics transportation status

Historically, compared with the coastal provinces, Heilongjiang Province is remote, with the high logistics costs and long transportation time. There are inherent limitations and shortcomings in foreign economic and trade exchanges. Taking trade with Russia as an example, before 2014, China and Russia had insufficient capacity to handle cross-border mail at both ends. In addition, the customs clearance policy was cumbersome and the mode of transportation was backward. The international parcel delivery time was 40–75 days, which was far from meeting the actual demand. In recent years, as the most important online commodity supplier in Russia, China has become a new trade growth point for the two countries. With the rapid growth of the Sino-Russian e-commerce market, Heilongjiang Province has actively used the existing open ports to Russia to vigorously develop the logistics industry and accelerate the transformation and upgrading of the cross-border e-commerce trade model and transportation mode. As a central city and aviation hub city for cooperation with Russia, Harbin has built a comprehensive logistics network covering Russia, including roads, railways, waterways and aviation. In December 2016, Harbin City

² Heilongjiang Province's foreign trade import and export achieved double growth in 2019, in: Heilongjiang Daily, 2020-01-20. URL: <http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/yanjiu/hangyezsk/202001/97370.html>

³ In 2019, the total value of Heilongjiang's import and export to Russia increased by 4%, in: WWW. CHINANEWS.COM, 2020-01-17. URL: <https://www.chinanews.com/cj/2020/01-17/9062954.shtml>

⁴ Russia's adult Internet users increase to 94.4 million in 2019, in: WWW. CHINANEWS.COM, 2020-01-14. URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnKoStP>

Promoting Modern Logistics Innovation and Development City Pilot Three-Year Action Plan (2016–2018) was promulgated. In January 2017, Implementation plan for promoting rapid development of e-commerce in Harbin was to be carried out. In July 2018, the Harbin International Aviation Hub Strategic Planning was to be implemented. The promulgation of these documents provides an important policy-leading guarantee for Harbin to carry out the cross-border e-commerce to Russia. From the first flight in November 2013 to June 2017, the Harbin-Yekaterinburg e-commerce cargo charter had shipped 355 flights, with a total cargo capacity of nearly 500,000 pieces and a weight of 7,525 tons. Harbin Airport announced that in the first three quarters in the year of 2020, Harbin Airport flew 85 cross-border e-commerce cargo flights to Russia, transporting 142,000 pieces of cargo and mail with 2064 tons, an increase of 14,4% year-on-year, and achieved a reverse during period of the epidemic⁵.

3.3. Hardware and software upgrade for the cross-border E-commerce service

Heilongjiang Province, as the traditional trade province, is vigorously promoting “Internet + trade” and exploring a new model of cross-border e-commerce business between China and Russia, which has achieved fruitful results [Wei Bai, Yu Yang, Chunyu Liu, 2019, pp. 28–29]. Meanwhile, hardware and software support for cross-border e-commerce beneficial. Concerning hardware construction, there are convenient traditional trade channels (railway, highway), Flourishing e-commerce parks, the emerging border warehouses and cold chain logistics networks and professional big data platform construction. Concerning software construction, there are various cross-border e-commerce integrated service platforms, a large number of Chinese and Russian bilingual business professionals, the emerging cross-border e-commerce online payment platform and “Internet+” expansion into many fields such as tourism education, culture and equipment manufacturing, etc. [Yingying Wei, 2017, pp. 8–9; Xiaoyu Jia, Minna Li,

2017, pp. 346–347].

3.4. Perfection of the cross-border E-commerce platform and rapid development of industrial parks

Firstly, at the beginning of 2014, there were 95 self-built e-commerce platforms in Heilongjiang province, including 19 cross-border e-commerce platforms dominated by Russia. The business scope covers commodity sales, logistics, payment, trade matching and integration of cross-border e-commerce industry chains, etc.; enterprises and individuals in the province opened 39,000 stores on third-party platforms. These platforms and merchants sent more than 1,7 million international parcels to Russia in the first quarter. Average of nearly 20,000 items per day was sent to the Russian consumers through the cross-border e-commerce platforms. At that time, the “Double 11” cross-border parcel reached a historical peak of 200,000 pieces per day.[Chunyu Zhou, 2018, pp. 5–8] secondly, in 2016, Heilongjiang province’s e-commerce platform reached 145, and 44 local pavilions were opened in major e-commerce platforms such as Taobao and Jingdong. There were more than 40,000 stores of various types, and the number of online merchants in the province reached 101,800. Thirdly, at the beginning of 2017, among the 32 e-commerce industrial parks in the province, there were 4 national-level e-commerce demonstration bases and 1,368 settled enterprises. Until the end of 2017, 8 companies in Heilongjiang had 19 overseas warehouses in Russia.

3.5. Construction of new channels on the air transport beneficial to the cross-border E-commerce cooperation

The Internet era has not only opened a new era of economics, but also the only way for the transformation of traditional enterprises. With the opening of the Russian cargo charter, the average period of cross-border electronic logistics delivery between China and Russia in Heilongjiang Province was shortened from nearly 2 months to 13 days (the fastest 4 days), which made Russian buyers feel the speed of Heilongjiang e-commerce. In December 2013, the Russian Ural Airlines opened a

⁵ Cross-border e-commerce traffic from Harbin airport to Russia in the first three quarters increased by 14.41% year-on-year, in: WWW. CHINANEWS.COM, 2020-10-18. URL: <https://tech.sina.com.cn/roll/2020-10-18/doc-iiznezxr6650146.shtml>

cargo charter from Harbin to Yekaterinburg. Subsequently, the Harbin-Novosibirsk route and the Harbin-Krasnoyarsk route were opened. Harbin Taiping International Airport became the gateway airport to the Russian Far East. Customs, border inspection, health inspection and other departments have opened green channels to facilitate airlines and cargo owners. The cargo charter operated more than 100 flights a year, with a total cargo capacity of 2,000 tons, and the value of goods exceeded 200 million US dollars, accounting for 40% of the total amount of e-commerce logistics packages. With the opening of logistics, nearly 5,000 domestic appliance manufacturers and 8 million Internet users in Russia had begun to enjoy high value-added logistics experience, and had great potential for improvement in trading, trade services and financial services. Taking Heilongjiang Russian Express International Logistics Co., Ltd. as an example, the recent logistics orders to Russia increased by 200%, accounting for nearly 40% of the total domestic exports of mail to Russia, and built the first brand image of cross-border logistics. Self-developed big data order operating system and warehouse management system by Russian Express International Logistics Co., Ltd. for the first time enables real-time track query tracking for cross-border logistics packages. From January to October 2018, 164 sorties were carried to Russian charter passengers, with 7 million pieces of parcels and 1,658 tons of parcels, and the income reached more than 200 million yuan. Through the Russian parcels to Russia, the e-commerce charter from Harbin, flying to Yekaterinburg, Russia's logistics hub, for six and a half hours, was sent to the internet users by the Russian Post Office. In 2018, Harbin Taiping International Airport had a total of 91 chartered flights to Russia, with 107,000 parcels and a weight of 1944,68 tons. At present, Harbin Airport has opened domestic and international routes. There are more than 180 cities and more than 110 navigable cities. The air traffic network has been formed with Harbin as the center, radiating important cities across the country, and extending the air traffic network of Russia, Japan, South Korea and

the other neighboring countries and the major European and American countries. Heilongjiang Airport Group will accelerate the development of air passenger and cargo charter flights to Russia, Europe, North-Eastern Asia and North America, and build Harbin into a fully functional, multimodal international logistics hub and channel connecting Europe, Asia and the United States, and further contribute to the North China. The development of cross-border e-commerce in Xinjiang injected strong momentum⁶

3.6. New paths of the cross-border E-commerce land transportation

In November 2014, Russia Post set up the Far-Eastern distribution center in Vladivostok, which was only 220 km away from Suifenhe. After the Russian Far East buyer placed an order online, the logistics company directly transported the goods to the distribution center through Suifenhe. Thus, parcels can be no longer posted bypass the "Harbin (or Beijing) – Moscow headquarters – Far East distribution center" line, which save half of the transportation time. In addition, since the operation of Harbin – Europe train from 2015 to 2017, a total of 665 classes had been shipped, with a value of 1,18 billion U.S. dollars; in 2017, 461 classes were shipped in total, with a value of 800 million U.S. dollars, which showed that the volume of transportation was accelerating.

3.7. Development Potential in the Field of "Internet +" in the Information Industry

Cooperation with the e-commerce giants promotes to upgrade Heilongjiang Province's industrial structure. In April, 2013, Alibaba (Sino-Russian Cloud Warehouse) utilized the advantages of the Suifenhe Golden Port to establish a low-cost, convenient, safe and efficient, and internationally-accepted e-commerce trade platform for Russia. In August, 2015, Jingdong Group worked together to develop the cross-border e-commerce business in the Far East. In August, 2015, Tencent Group set up all-dimensional cooperation with Jingdong Group in urban services, cross-border e-commerce, green food, tourism, big data, innovation and entrepreneurship, social and people's livelihood. In April, 2017, ZOL

⁶ WWW. CHINANNEWS.COM. In 2018, Harbin Airport's chartered cargo volume to Russia reached nearly 2,000 tons, with more than 100,000 parcels, 2019-01-13. URL: <https://www.chinanews.com/cj/2019/01-13/8727787.shtml>

created the regional characteristic industry development, promoting kinetic energy conversion and structural upgrading.

In September 2018, General Secretary Xi Jinping carried out the inspection in the northeast of China and made an important speech at the in-depth promotion of the North-Eastern Revitalization Symposium, who claimed to deeply integrate the Belt and Road and build an open and cooperative highland, which was to lead the direction and inject momentum to better participate in the Belt and Road and to create a new pattern of opening up to the outside world for Heilongjiang Province. Heilongjiang Province should take advantage of the 4th Oriental Economic Forum to give full play to the geographical advantages adjacent to Russia, continue to focus on promoting multi-directional connectivity to Russia, and build a new platform for cross-border cooperation development and opening up. With regard to the level of economic and trade cooperation with Russia, Heilongjiang Province will strive to promote Heilongjiang Province's cooperation with Russia and open up a new pattern for all countries in the North-Eastern Asia such as Japan, South Korea, North Korea and Mongolia [Linlin Song, 2018, pp. 35–42].

4. CHALLENGES AND PROBLEMS IN INTEGRATED DEVELOPMENT OF DIGITAL ECONOMY WITH HEILONGJIANG PROVINCE'S CROSS-BORDER E-COMMERCE WITH RUSSIA

4.1. High risk of cross-border online payment and low efficiency of the online payment

According to data from the China Economic Net, since its launch in 2014, the Sino-Russian cross-border e-commerce online payment platform has processed 10,2 million cross-border online payment transactions with a total amount of 2,75 billion yuan by the end of 2016. On April 8, 2015, the Sino-Russian cross-border e-commerce customs clearance service platform was officially opened in Suifenhe City, which was the comprehensive upgrade of the business service platform and the first time in the country to realize the customs clearance, cross-border payment, and foreign exchange settlement tax rebates for cross-border e-commerce exports to Russia. Therefore, the sound cross-border e-commerce payment service system can

promote the development of the Heilongjiang Province's cross-border e-commerce to Russia faster and better. However, in the work of cross-border online payment, the online payment process is more complicated and the online payment risk is relatively high. Quite a few people in the online shopping group still have concerns about online payment, and some groups choose to pay cash on arrival, which affects the effective operation of e-commerce companies. Therefore, the Heilongjiang Province should actively encourage credible financial institutions in the province to expand the scope of cross-border e-commerce online payment services, improve financial services such as cross-border e-commerce online payment and settlement with Russia, and perfect the cross-border e-commerce online payment service system [Linlin Song, 2019, pp. 35–42].

4.2. Weak Logistics Guarantee System for Russia and Lack of Cross-border Logistics Service Capabilities

The cross-border e-commerce industry in the Heilongjiang Province started late compared to some southern provinces, but in recent years, with the introduction of national policies and the continuous improvement of cross-border cooperation, the cross-border e-commerce industry has developed rapidly, and it is required to strengthen the cross-border infrastructure construction and shorten the time and cost of cross-border transportation, improve cross-border logistics service capabilities, and advance the logistics guarantee system for Russia. At present, Heilongjiang Province has introduced many measures in response to the weak cross-border logistics system. Among them, E-commerce companies in the province are clearly encouraged to "go global". It is recommended that companies establish overseas warehouses and overseas service outlets in Russia, and then build more sites that can cover major cities in Russia. The cross-border e-commerce logistics hub will improve the integrated service system of cross-border trade, warehousing, distribution and after-sales services, and improve the speed and logistics efficiency of cross-border cargo transportation in Heilongjiang Province to Russia. Take Ruston as an example, in late November 2013, Ruston officially launched the Sino-Russian cross-border e-commerce

aviation operation in Harbin, creating a set of cross-border e-commerce logistics operation mechanism including logistics and warehousing supervision, logistics collection, warehouse management, cross-border logistics, and border warehouse management and customer service management services. From 2015 to 2017, Ruston had ranked first in the cross-border logistics industry with Russia for three consecutive years, with a market share of 12,6%, and it was the largest online cross-border e-commerce logistics service Business for Russia on Alibaba AliExpress. More than 25% of Russian netizens use the service. In 2017, Ruston logistics accounted for 52,1% of the national logistics market to Russia, and 91% of air parcels to Russia were transported by special cargo planes of Ruston [Yannan Wu., 2018, pp. 71–73]. Therefore, other e-commerce companies in the province should take advantage of the favorable policies issued by the government, learn from the advanced experience of peer companies, and better develop cross-border economic and trade cooperation with Russia.

5. PROSPECTS AND RECOMMENDATIONS OF INTEGRATED DEVELOPMENT OF DIGITAL ECONOMY WITH HEILONGJIANG PROVINCE'S CROSS-BORDER E-COMMERCE WITH RUSSIA

There is still room for growth in total e-commerce demand. The volume of e-commerce transactions and online retail transactions at home and abroad still maintains rapid growth. Heilongjiang Province should actively promoted integrated development of digital economy with Heilongjiang Province's cross-border e-commerce with Russia.

Firstly, new technological changes will continue to trigger changes in e-commerce business practices. Heilongjiang Province should study the technological trends of e-commerce platform development, strengthen the training of e-commerce platform operating enterprise systems, and organize research on the new mode of e-commerce platform. Heilongjiang Province should study an effective way to reduce the cost of e-commerce logistics, and improve the logistics distribution system to get through the last mile of distribution.

Secondly, agricultural products speed up the construction of agricultural products outside the province in the main sales area, cross-border goods to increase the construction of overseas warehouses and border warehouses. It is necessary to strengthen the connection with upstream and downstream enterprises and strengthen cooperation in the fields of design, packaging, marketing and talents [Yan Wang, 2017, pp. 54–56; Chunyu Zhou, 2018, pp. 5–8; Leyi Lin, Xianyu Liu, 2018, pp. 84–85].

Thirdly, Heilongjiang Province should join hands with the e-commerce giants to co-build a characteristic digital economy industrial park, relying on the big data and other capabilities and resources and combination with our province's characteristic industries so as to drive a new cross-border e-commerce system. Our province can take advantage of the brand effect of large companies to effectively promote the large-scale development of cross-border e-commerce enterprises through planning and guidance, policy support, technical support, and service support.

6. CONCLUSION

In recent years, Heilongjiang Province has been exploring cross-border cooperation paths suitable for the provincial conditions and the national conditions of neighboring countries, and deepens the all-round exchanges and cooperation with the Belt and Road countries. Heilongjiang Province should accelerate the construction of all-round infrastructure, speed up the construction of international major passages along the border, and promote trade and investment liberalization and facilitation. In addition, it is of great significance to accelerate industrial transformation and upgrading and use the digital economy to boost the high-quality development of the real economy. Faced with problems such as difficulty in controlling supply chain risks, risks in cross-border payments, and poor experience in supporting services, Heilongjiang Province needs to continue to promote digital technology innovation and application, improve the quality of supporting services of the e-commerce industry, promote coordinated development in combination with regional

characteristics, so as to explore new paths suitable for the development of provincial conditions and inject new momentum into economic high-quality development [Yueyue Zang, Chongjun Fan, Yue Zhu, Wei Liu, 2020, pp. 7–8].

References:

1. Cai Chen, Yuxiong Zhang Creating cross-border e-commerce development to help build the Belt and Road, in: China Institute of Information and Communications, 2016.

2. Linlin Song The status quo and prospects of Heilongjiang Province's economic and trade cooperation with Northeast Asian Countries, in: Pax Mongolia, 2019, 5, no. 1, pp. 51–61.

3. Wei Bai, Yu Yang, Chunyu Liu Research on the status quo of cross-border e-commerce exporting to Russia by Heilongjiang Province, in: Business and Economy, 2019, no. 1, pp. 28–29. DOI: <https://doi.org/10.16457/j.cnki.hbhjllw.2018.01.051>

4. Yingying Wei Cross-border e-commerce in Heilongjiang Province under the Belt and Road development status and countermeasures, in: Foreign Economic Relations and Trade, 2017, no. 7, pp. 8–9.

5. Xiaoyu Jia, Minna Li Research on the development of Sino-Russian cross-border E-commerce logistics in Heilongjiang Province, in: Modern Economic Information, 2017, no. 2, pp. 346–347.

6. Guohui Li, Xiaoyan Nin Research on the Development of E-commerce in Heilongjiang Province under the Strategy of the Belt and Road, in: The Border Economy and Culture, 2018, no. 2, pp. 26–27.

7. Linlin Song Research on the strategic upgrade of Heilongjiang Province's cooperation with other countries in Northeast Asia, in: Northeast Asia Economic Research, 2018, no. 6, pp. 35–42. DOI:<https://doi.org/10.19643/j.cnki.naer.2018.06.004>

8. Linlin Song The status quo and prospect of the construction of "online silk road" in Heilongjiang Province, in: Siberian Studies, 2019, no. 1, pp. 35–42.

9. Yannan Wu Analysis on the status quo and countermeasures of overseas warehouses of Russian express cross-border logistics, in: Economic Outlook the Bohai Sea, 2018, no. 12, pp. 71–73. DOI:<https://doi.org/10.16457/j.cnki.hbhjllw.2018.12.049>

10. Yan Wang Analysis of challenges and countermeasures on Yiwu cross-border e-commerce development construction, in: China Business, 2017, no. 3, pp. 54–56.

11. Chunyu Zhou The status quo and countermeasures of cross-border E-commerce development in Heilongjiang Province under the Belt and Road, in: Statistics and Consulting, 2018, no. 2, pp. 5–8. DOI: <https://doi.org/10.19456/j.cnki.tjyzz.2018.02.002>

12. Leyi Lin, Xianyu Liu Research on the problems and countermeasures of cross-border E-commerce exporting to Russia from Heilongjiang Province, in: Economic Outlook the Bohai Sea, 2018, no. 1, pp. 84–85. DOI: <https://doi.org/10.16457/j.cnki.hbhjllw.2018.01.051>

13. Yueyue Zang, Chongjun Fan, Yue Zhu, Wei Liu Analysis on the development of digital economy and E-commerce in the Greater Bay Area, in: E-Business Journal, 2020, no. 11, pp. 7–8. DOI:<https://doi.org/10.14011/j.cnki.dzsw.2020.11.004>

ACKNOWLEDGMENTS

The work is supported by the Heilongjiang provincial philosophy and social science fund project "Research on the construction of digital channels in our province's economic and trade cooperation with Russia in the new era" (20GJC198).

Reference to the article

Linlin Song Analysis of integrated development of digital economy with the Heilongjiang Province's cross-border E-commerce with Russia // Power and Administration in the East of Russia. 2020. No. 4 (93). Pp. 16–23. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-16-23

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36

УДК 332.14(571.6)

С. Н. Найден

Реализация государственной политики на Дальнем Востоке

В статье рассматриваются меры и результаты реализации государственных стратегий, программ, концепций, принятых в период 2009–2019 гг. и направленных на развитие субъектов Дальневосточного федерального округа на период до 2025 года. Выполнен мониторинг показателей демографии населения, уровня жизни и развития социальной инфраструктуры. Проведен сравнительный анализ фактических и программных индикаторов развития, а также откликов социально-демографической системы региона на институциональные новации в период 2009–2019 гг. Установлено, что, несмотря на обилие принятых документов и значительное количество разработанных и применяемых мер, достижение поставленных целей, во всяком случае, по максимизации численности населения, так и не достигнуто. Показано, что интенсивность воспроизводства объектов социальной инфраструктуры остается низкой, что слабо способствует преодолению отрицательной миграционной динамики. Обоснована необходимость корректировки мер государственного регулирования в сфере социального развития и создания комфортной среды проживания.

Ключевые слова: население, социальное развитие, социальная инфраструктура, государственная политика, Дальний Восток России.

Введение. В последнее десятилетие (которое условно можно разделить на два периода 2009–2015 гг. и 2016–2019 гг.) количество нормативных документов, а также объем перечисленных в них мер, направленных на закрепление населения и привлечение дополнительных трудовых ресурсов на Дальний Восток, стали самыми впечатляющими по сравнению с остальными блоками «новой экономической политики», призванной обеспечить прорыв в опережающем развитии региона [Минакир, 2015; Изотов, 2017]. Принято значительное количество официальных документов, которые провозглашают различные намерения или содержат должностные поручения по повышению качества жизни на Дальнем Востоке, по

стабилизации населения и привлечению трудовых ресурсов для осуществления инвестиционных проектов и замыслов [Минакир, 2017; Исаев, 2017]. Практически каждый из документов включает в себя в той или иной мере призывы к приоритизации социальных мер, уже действующих в стране, в сторону увеличения помощи, снижения нагрузки, перераспределения финансовых ресурсов в пользу потребностей социальной системы дальневосточного макрорегиона [Аганбеян, 2019; Найден, 2016].

Реализация государственной политики (2009–2015 гг.). 2009 год: отправной точкой очередного этапа пристального внимания к Дальнему Востоку стало принятие очередной версии Стратегии

Светлана Николаевна Найден – д-р экон. наук, профессор РАН, главный научный сотрудник лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). E-mail: nayden@ecrin.ru

социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (далее – Стратегия ДВ и БР), согласно которой генеральной целью развития макрорегиона была вновь объявлена «реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека»¹.

К началу 2009 г. численность населения на Дальнем Востоке сократилась до 6460 тыс. чел., достигнув 80% от уровня 1990 г. При этом на долю потери численности от естественных факторов пришлось 13,6%, а от миграционного оттока – 86,4% [Мотрич, 2009]. По прогнозам Росстата на тот момент, при сохранении нисходящей демографической кривой, численность населения в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) оценивалась к 2026 г. на уровне 5,9 млн чел. (столько было зафиксировано переписью населения 1970 г.).

Многолетний отрицательный демографический тренд предполагалось преодолеть за счет:

- формирования устойчивой системы расселения, опирающейся на региональные зоны опережающего экономического роста с комфортной средой обитания человека;

- формирования численности населения и трудовых ресурсов в объемах, необходимых для решения экономических задач, стоящих перед регионом;

- повышения качества человеческого капитала;

- сохранения и поддержки традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера.

Упор на территориальные анклавные территории был сделан неспроста, учитывая высокую рассредоточенность и низкую плотность проживания, где рациональным решением могла стать концентрация усилий по созданию комфортных условий жизни в наиболее заселенных городах и населенных пунктах субъектов Федерации ДФО.

В среднесрочной и долгосрочной перспективе в качестве главных условий раз-

вития Дальнего Востока определили сохранение и развитие трудовых ресурсов посредством эффективного внутреннего перераспределения оных, привлечения и закрепления кадров из других субъектов РФ и зарубежных стран, повышения качества рабочей силы. Это требовало существенных изменений в масштабах и уровне развития социальной инфраструктуры, обеспечивающей ту самую комфортную среду обитания, в которой осуществляется воспроизводство человеческого капитала.

Предполагалось обеспечить населению предоставление социальных стандартов посредством создания системы доступного и высококачественного высшего образования, повышения доступности специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи, поддержки формирования развитой региональной и местной инфраструктуры в области здравоохранения, социальной защиты, образования, культуры, обеспечения досуга, а также содействия обеспечению граждан комфортным жильем и жилищно-коммунальными услугами. Причем стандарты должны были превысить среднероссийский уровень для компенсации неблагоприятных природных, климатических и географических условий проживания населения на Дальнем Востоке.

В качестве мер государственной политики, способствующих выполнению поставленной задачи, в Стратегии ДВ и БР закрепили следующие:

- модернизация социальной инфраструктуры, включая образование, здравоохранение, социальную защиту, культуру, физическую культуру и спорт, жилищный сектор, обеспечивающей формирование комфортных условий жизни населения;

- ускоренное развитие экономических институтов, определяющих защиту прав собственности, повышение качества государственных услуг.

Рамками стратегии лишь намечалось в будущем определение комплекса мер по закреплению трудоспособного населения на территории Дальнего Востока и Бай-

¹ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 года №2094-р. <http://docs.cntd.ru/document/902195483>